
Н.Ф. Котляр

ИЗМЕНЧИВОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РУССКОЙ ЗЕМЛЕ
В ЛЕТОПИСНЫХ КОНТЕКСТАХ XI–XIII вв.

Как известно, летописи и другие памятники древнерусской литературы XI–XIII в. знали и использовали понятие Русская земля в двух основных значениях: узком и широком. В узком его понимании речь шла о Южной, Днепровской Руси, охватывавшей Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли. В широком — термин применялся ко всей этнической территории восточных славян: от Черного моря до Белого и от Карпат до Волги. В течение всего древнерусского времени оба эти значения топонима Русская земля сосуществовали и параллельно употреблялись в источниках. Однако до сих пор среди историков существуют разногласия относительно конкретного бытования обоих значений в летописях.

Если М.П. Погодин полагал, что название Русская земля в древности понималось весьма широко, охватывая все русские области¹, то его младший современник В.О. Ключевский считал, что этими словами именовали лишь Полянскую землю в рубежах XI в., а также территорию на правом берегу Днепра, на юг от Киева². Его взгляды разделял и В.И. Сергеевич³. Тексты летописей давали основания как для узкого, так и для широкого толкования понятия Русская земля, поэтому дискуссии продолжились и в дальнейшем. Исследования этой темы оживились с началом второй половины XX в. А.Н. Насонов пришел к выводу, что понятие, вначале относимое в основном к Южной Руси, с XII в. распространилось на все земли восточных славян, всегда сохраняя этнический и государственный смысл⁴. Эту точку зрения поддержали Б.А. Рыбаков и

¹ *Погодин М.П.* Исторические замечания. Древность понятий об единстве Русской земли // Москвитянин. 1850. № 6. Кн. 2. С. 21–22.

² *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. VI. Специальные курсы. С. 97.

³ *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. 1. С. 83, 84, 87.

⁴ *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

П.Н. Третьяков. Впрочем, последний считал, что в представлениях русских людей X–XI вв. Русью была лишь Киевская земля⁵. Как показали последующие источниковедческие исследования, ученый ошибался.

Более конкретно определял хронологические и территориальные особенности употребления в летописях топонима Русская земля Л.В. Черепнин. Согласно его наблюдениям, в источниках с середины XII в. начинается определенное сужение содержания термина: ранее употреблявшийся в широком плане, он все чаще приобретал значение Южной земли. Ученый объяснил это нарастанием процессов раздробленности⁶. С ним в общем солидаризовался Б.А. Рыбаков.

Из конспективно изложенных мнений предшественников (среди них — и не названные мною в этом кратком обзоре) складывается впечатление об изменчивости понимания летописцами слов Русская земля, колебаниях в их толковании этого термина в различные хронологические периоды. Вначале, в IX–XI вв., оно было достаточно узким: под Русской землей понимали лишь Южную, Днепровскую Русь. Затем термин распространился на все восточнославянские земли (с конца XI — начала XII в.), но почти одновременно его смысл вновь сузился до границ древней Русской земли: Киевской, Черниговской и Переяславской областей. В действительности, далеко не все историки точно придерживались такого понимания историко-хронологического аспекта содержания термина⁷. Например, М.П. Погодин, а впоследствии Л.В. Черепнин думали, что с самого начала он имел все же общерусское значение.

Итак, представляется несомненным, что с самого начала понятие Русская земля употреблялось летописцами в обоих значениях: широком и узком. Замечу лишь, что всегда оказывалось трудным установить какие бы то ни было хронологические и географические закономерности использования летописцами XI–XIII вв. этого топонима. Моя работа представляет собой попытку пролить свет на эту проблему.

Начну с того, что составители и редакторы Повести временных лет полагали, что описанные во введении к ней все восточносла-

⁵ Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 73.

⁶ Черепнин Л.В. Исторические условия формирования русской народности и нации до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 58.

⁷ См. подробный обзор литературы по этой теме: Котляр М.Ф. «Руська земля» в літописах XI–XIII ст. // Український історичний журнал. 1976. № 11.

вянские племена были русскими. Под 898 г. книжник утверждает: «А словеньский языкъ и руский одно есть... от варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене, аще и поляне звахуся, но словеньскаа рѣчь бѣ»⁸. Следовательно, летописец полагал, что восточные славяне изначально имели общий язык, который он отождествлял с русским. Отсюда нетрудно придти к выводу, что Повести временных лет изначально присуще широкое понимание термина Русь или Русская земля.

Но уже в первых датированных контекстах Повести встречается и узкое толкование Руси в рубежах Киевской земли. Под 866 г. источник рассказывает о походе киевских князей Аскольда и Дира на Царьград, называя их и их войско Русью («яко Русь на Царьгородъ идеть», «безбожныхъ Руси корабли смяте») ⁹. Но из этих слов не следует делать поспешного вывода, будто с 60-х гг. IX в. узкое значение слова Русь заменило первичное, широкое. Ведь когда в 882 г. Олег сел князем в Киеве, он, по словам того же летописца, заявил: «Се буди мати градомъ русьскимъ»¹⁰. Вероятно, в первом случае термин Русь использован книжником в узком значении — относительно Руси Поднепровской, а во втором — в широком понимании слова как собирательного наименования всех восточных славян.

Под 907 г. летописец вновь широко толкует наименование Русь. В договоре Олега с Византией читаем: грекам надлежит «даяти уклады на руския грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтѣськъ, на Ростов, на Любеч и на проча города»¹¹. Среди крупных русских городов в этом контексте не назван лишь Новгород, но и его в X в., вне сомнения, называли русским. Когда в 977 г. сыновья Святослава Игоревича Ярополк, Олег и Владимир боролись за первенство на Руси, Нестор записал: «А Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси»¹².

Но, в то же время, в Повести за X в. сохраняется и ограниченное, конкретное понимание слов Русская земля в значении Руси Киевской, Южной. Под 980 г. в ней рассказывается о создании Владимиром пантеона языческих богов в Киеве, на холме, рядом с его теремом, и о принесении им жертв. Завершая рассказ, книжник-христианин

⁸ ПВЛ. С. 16.

⁹ Там же. С. 13.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Там же. С. 35.

записал: «И осквернися кровьюми земля Руска и холмо-ть»¹³. По моим наблюдениям, широкое понимание термина Русь несколько преобладает над узким в летописных контекстах X в.

Затруднительно установить какую-либо хронологическую закономерность или хотя бы тенденцию использования летописцем для описания событий XI в. того или иного значения словосочетания Русская земля: оба они обычно стоят рядом как в начале, так и в конце этого столетия. Например, под 1015 г. в источнике вначале речь идет о том, как киевский князь Владимир, узнав, что «печенѣгом идущемъ на Русь, посла противу имъ Бориса [сына]». Здесь под Русью, очевидно, понимается ее южная часть. Но далее в летописном контексте того же года, несколькими строками ниже, читаем: «Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли [Владимир], крестивъ ю»¹⁴. В нем термин Русская земля использован в самом широком значении.

Ту же картину наблюдаем в Повести конца XI в. Под 1094 г. в ней сказано: «Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови [Святославичу] не възбраняюще, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третье наведе [Олег] поганья на землю Русьскую...»¹⁵. В этом контексте Русская земля отождествляется с Черниговской, частью Южной Руси. Но, рассказывая о знаменитом Любечском княжеском съезде 1097 г., летописец отмечает, что князья говорили между собой: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? А половци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже межю нами рати»¹⁶. В этой летописной статье понятие Русская земля толкуется книжником весьма широко: наряду с Киевщиной и Черниговщиной в нее включены Волынь с городом Владимиром и Галичина с Перемышлем и Тербовлем.

В текстах же Повести временных лет с упоминаниями о Русской земле в XI в. можно заметить две четкие тенденции. Первая состоит в том, что летописец употребляет это понятие в узком его значении, главным образом, тогда, когда речь идет о военных действиях. Вероятно, этим он стремился конкретизировать картину боевой обстановки. Так, в 1018 г. польский князь Болеслав вместе со Святополком Ярополчицем начал войну против Ярослава, и

¹³ ПВЛ. С. 37.

¹⁴ Там же. С. 58.

¹⁵ Там же. С. 95.

¹⁶ Там же. С. 109–110.

книжник повествует, что «Ярославъ же, совокупивъ Русь, и варягы, и словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку...»¹⁷. В этом контексте кияне (Русь) отделены от словен-новгородцев. Когда же составитель Повести ограничивался коротким упоминанием о военных действиях, он мог воспользоваться словом Русь в самом широком значении. Под 1019 г. он заметил, что между Ярославом и Святополком «бысть сѣча зла, яка же не была в Руси»¹⁸.

Толкование понятия Русская земля как Руси Южной присуще также сообщениям летописи за XI в. с упоминаниями о нападениях половцев и торков. Это можно объяснить тем, что кочевники совершали набеги, в основном, на южнорусские земли. Под 1061 г. книжник вспоминает: «Придоша половци первое на Русьскую землю воевать»¹⁹. Из многочисленных аналогичных свидетельств приведу весьма характерное под 1080 г.: «Заратишася торци переяславстии на Русь, Всеволод [киевский князь] же посла на ня сына своего Володимера. Володимеръ же шедь побѣди търкы»²⁰. В этом летописном контексте под Русской землей понимается Переяславщина, на южных рубежах которой кочевали тогда торки, и Киевщина.

Другая тенденция составителей и редакторов Повести за XI в. относительно использования термина Русская земля состоит в дальнейшей конкретизации и стабилизации его узкого значения. Под 1026 г. источник содержит характерную для этой тенденции запись: «Ярославъ... створи миръ с братом своим Мьстиславомъ у Городьця. И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прिया сю сторону, а Мьстиславъ ону»²¹. Следовательно, Ярославу досталось Правобережье Днепра с Киевом, а Мстиславу — Левобережье с Черниговом. К концу XI в. в Повести временных лет окончательно утверждается узкое понимание названия Русская земля, охватывавшее Киевщину, Черниговщину и Переяславщину. В 1096 г., пишет ее составитель, «Святополкъ [киевский] и Володимеръ [перемыславский] посласта къ Ольгови [в Чернигов], глаголюща сице: “Поиди Киеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли...”»²², имея в виду Южную Русь. В подобном значении выступает Русская земля в записях Повести под 1078, 1093 и 1094 гг.

¹⁷ ПВЛ. С. 63.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 71. Тождественные по смыслу записи см. под 1068 г., на с. 73, 74.

²⁰ ПВЛ. С. 87.

²¹ Там же. С. 65.

²² Там же. С. 96.

Одновременно летописцы XI в. продолжают пользоваться и термином Русская земля в самом широком его понимании. После смерти Мстислава Владимировича в 1036 г. его брат Ярослав «перяя власть [волость] его всю... и бысть самовластець Русьстѣй земли»²³. А под 1071 г. в Повести временных лет изложено пророчество какого-то волхва, пришедшего в Киев и молвившего: «Яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять, и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися»²⁴. В обоих случаях термин Русская земля применен ко всем территориям Древнерусского государства. Новгородская первая летопись младшего извода под 1060 г. ставит знак равенства между псковичами, новгородцами и Русью²⁵, следовательно, причисляет к Русской земле северную часть восточнославянских земель.

Есть и другие летописные контексты XI в. с употреблением упомянутого понятия в самом широком значении, но, по моим наблюдениям, наименование Русская земля в Повести за это время чаще выступает в узком смысле: Киевщины, Черниговщины и Переяславщины.

Начало XII в., думается, не внесло значительных изменений в понимание летописцами слов Русская земля. Разве что все чаще они употребляются в узком значении — в отношении южнорусских земель (без Галицкой и Волынской). Так, в 1103 г. киевский князь Святополк Изяславич и переяславский Владимир Всеволодич Мономах съехались, чтобы обсудить, как лучше организовать поход на половцев. Когда Святополк согласился с предложением Мономаха пойти вместе в степь, тот ответил: «То ти, брате, велико добро створиши землѣ Русскѣй». По их призыву собрались черниговские и несколько других южнорусских князей. «Половци же, слышавшее, яко идеть Русь, собрашася бе-шисла и начаша думати»²⁶.

В Киевской летописи XII в. времен княжения в Киеве Владимира Мономаха и его сына Мстислава (1113–1132) встречаем лишь узкое понимание термина Русская земля²⁷. Напомню, что Владимир Всеволодич Мономах был последним киевским государем, который сумел удержать под своей рукой все древнерусские земли. Единство Руси во время недолгого княжения его сына Мстислава (1125–1132)

²³ Там же. С. 66.

²⁴ Там же. С. 75.

²⁵ НПЛ. С. 183.

²⁶ ПВЛ. С. 118.

²⁷ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 204 (1116 г.), 205 (1121 г.) и др.

сохранялось, как мне кажется, разве что по инерции, освященное именем его могущественного и харизматического отца.

По моему мнению, подобное понимание киевским летописцем понятия Русская земля для первой трети XII в. отвечало ее политическому статусу. Книжник рассматривает Днепровскую Русь первой трети XII в. как средоточие политической, социальной, религиозной и культурной жизни русского народа того времени, поэтому фокусирует внимание на ней. Не следует, впрочем, забывать, что Киевской летописи, в отличие от Повести временных лет, присуща определенная географическая узость — составители описывают главным образом события в Южной Руси.

К середине XII в. вновь изменяется употребление летописцами понятия Русская земля. При проверке источниками оказалось, что бытующий в историографии тезис, будто топоним Русская земля в IX–XI вв. применялся лишь в отношении южнорусских земель, а в XII в. распространился на все восточнославянские области, нуждается в корректировке. Во-первых, как было отмечено выше, с самого начала летописцы вкладывали в него самое широкое значение²⁸. Во-вторых, с середины XII в. древнерусский книжник конкретизирует широкое понимание названия Русская земля, чего ранее почти не наблюдалось. Источники XI — первой трети XII в. обычно не раскрывали, какие именно княжества и земли (за исключением южнорусских) они так называли.

Если под 1134 г. Новгородская летопись завершает рассказ об усобицах между новгородскими, суздальскими и киевскими князьями общей сентенцией: «И раздърася вся земля Русьская», то уже под 1170 г. этот же источник тщательно называет всех представителей северных и западных русских земель, объединенных им в понятии Русская земля: «Въ то же лѣто, на зиму, придоша подъ Новъгородъ суждальци съ Андреевицемъ²⁹, Романъ и Мъстислав [Ростиславичи] съ смолянны и съ торопычяны, муромъци и рязаньци... полоцьскый князь съ полоцяны, и вся земля просто Русьская»³⁰. Эта тенденция характерна и для Киевского, Лаврентьевского, Московского конца XV в. летописных сводов.

²⁸ Недаром столь большой знаток летописания, как Л.В. Черепнин, ни одним словом не обмолвился о каком бы то ни было расширении содержания смысла термина Русская земля, а вместо этого отметил даже его сужение в конце XI–XII вв. (См.: *Черепнин Л.В.* Исторические условия. С. 58 и сл.).

²⁹ Мстислав, сын Андрея Юрьевича Боголюбского.

³⁰ НПЛ. С. 23, 33.

Под 1155 г. киевский книжник рассказал о походе Юрия Владимировича Долгорукого на юг следующим образом: «Той же зимѣ пошель бѣ Дюрги [Юрий] в Русь, слышавъ смерть Изяславлю³¹; и бысть противу Смоленску, и бысть ему вѣсть...»³². Выходит, в южнорусском источнике Смоленск причислен к Русской земле. Еще четче под названием Русской земли Смоленск и Смоленская земля выступают в контексте Киевской летописи 1180 г.: «Прислаша новгородци муже свои ко Мьстиславу к Ростиславичю [смоленскому князю], зовуче и Новугороду Великому... Онъ же, не хотяше ити из Руской земли, река имъ...»³³. Киевская летопись второй половины XII в. называет Русской землей и Суздаль (1182 г.), и подмосковный город Дмитров (1184 г.), говоря о последнем: «Придоша измаилтяне безбожнѣи половци на Русь воевать ко Дмитрову»³⁴.

Яркий пример конкретизации летописцем широкого понятия Русская земля содержится в Суздальской летописи. Во время знаменитой битвы 1216 г. между владими́ро-суздальским войском, с одной стороны, и новгородским и смоленским — с другой, один из суздальских бояр обратился к своим князьям со словами: «Не было того ни при прадедѣхъ, ни при дѣдехъ, ни при отцѣ вашемъ [Всеволоде Большое Гнездо], оже бы кто вшелъ ратью в сильную землю в Суздальскую, оже вышелъ цѣль, хотя бы и вся Руская земля, и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская, никакo противу сей силѣ успѣють...»³⁵.

С 40-х гг. XII в. новгородским летописям присущи известия типа: «Прѣставися въ Руси Всеволодъ [Ольговичъ]», т.е. в Руси Южной (1146 г.), или: «Иде архиепископъ новгородскый Нифонтъ въ Русь»³⁶ — из контекста узнаем, что в Киев (1149 г.). Однако это вовсе не означало, что новгородцы считали свою землю отделенной от Русской. Новгородские летописцы второй половины XII–XIII вв. знали и широкое понимание Русской земли с включением в ее пределы и Новгорода Великого. Под 1214 г. читаем: «И рече Твърдиславъ посадникъ: “Яко, братие, страдали дѣди наши и отчи за Русьскую землю, тако, братье, и мы поидимъ по своемъ

³¹ Киевского князя Изяслава Мстиславича, его племянника.

³² Летопись по Ипатскому списку. С. 328.

³³ Там же. С. 411.

³⁴ Там же. С. 422, 424.

³⁵ ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. 2-е изд. (далее — Лаврентьевская летопись). Стб. 495.

³⁶ НПЛ. С. 27, 28.

князи”», после чего пошли воевать Черниговскую землю, а затем посадили в Киеве Мстислава Романовича³⁷. Под 1231 г. новгородский летописец, рассказав о голоде, горько заметил: «Се же горе бысть не въ нашей земли въ одной, нъ по всей области Русѣи, кромѣ Киева одного»³⁸.

В первой трети XII в. в древнерусских летописях еще сохранялось характерное для XI в. понимание южной Русской земли в пределах Киевщины, Черниговщины и Переяславщины. Об этом свидетельствует ряд записей северорусского летописца: «Ходи Всѣволодъ³⁹ въ Русь Переяславлю... а целовавъ крестъ къ новгородцемъ, яко хоцю у васъ умерети» (1132 г.)⁴⁰. А под 1135 г. читаем: «Иде въ Русь архиепископъ Нифонтъ съ лучшими мужи и заста кыяны съ черниговъци стояще противу собе, и множество вои, и божиею волею съмиришася»⁴¹.

Что же касается термина Русская земля в его узком понимании, то с 40-х гг. XII в. в источниках появляется новая тенденция: стремление отделить от Руси (с того времени, как правило, в значении Киевщины) другие части Днепровской Руси IX–XI вв.: Переяславщину и Черниговщину, а то и противопоставить их Киевской земле. Всего этого ранее не наблюдалось в летописных контекстах. Вот типичные для этой тенденции сообщения летописей: «Бѣжашю же Святославу [Ольговичу] из Новагорода, идущу в Русь къ брату»⁴² или: «Томъ же лѣтъ ходиша вся Русска земля на Галиць [Галич] и много попустиша область ихъ, а города не взяша ни одного...»⁴³.

Когда в 1140 г. Всеволод Ольгович киевский вознамерился выгнать из Переяславля Южного Андрея Мономахича и посадить там своего брата, «Андрѣй тако рече, съдумавъ съ дружиною своею: ...въ Переяславли хочю, на своей отчинѣ, смерть прияти! Оже ти, братъ, не досити волости, всю землю Русскую държачи, а хощещи сея волости!»⁴⁴ — т.е. мало тебе того, что ты всю землю Русскую (Южную) держишь, так еще надумал прихватить и Переяславщину.

³⁷ НПЛ. С. 53.

³⁸ Там же. С. 71.

³⁹ Мстиславич, внук Мономаха, новгородский князь.

⁴⁰ НПЛ. С. 22.

⁴¹ Там же. С. 24.

⁴² Летопись по Ипатскому списку. С. 221 (1141 г.).

⁴³ НПЛ. С. 27. Речь идет о походе коалиции князей под водительством киевского государя Всеволода Ольговича на Галицкого князя Володимирка Володаревича в 1145 г.

⁴⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 218.

Еще более выразительно противопоставляется Киевской земля Черниговская в рассказе южнорусского летописца под 1151 г. о посольстве, прибывшем к венгерскому королю от киевских князей Вячеслава Владимировича и Изяслава Мстиславича, которые воевали с черниговскими Ольговичами и Давыдовичами, а также с их союзником Юрием Долгоруким. Киевские послы просили помощи, сказав королю: «Гюргий есть силенъ, а Давыдовичи и Олговичи с нимъ суть, а что и половци дикѣи с нимъ... по насъ яла Русская земля вся и черни клобуци»⁴⁵ — мол, нас поддерживает против суздальцев и черниговцев вся Русская земля и еще черные клобуки, тогда как из контекста явствует, что под Русской землей имелась в виду одна лишь Киевская.

Процитированный контекст Киевского свода не стоит особняком. В самом конце XII в. в записи Киевской летописи Чернигов и Черниговщина, на мой взгляд, противопоставляются «Русской земле» — Киевской. Тогда, в 1193 г., киевский государь Рюрик Ростиславич собрался в поход против половцев, и его соправитель Святослав Всеволодич с упреком бросил ему: «Ажь ты идешь изо отчины своя на свое орудье, а язъ паки иду за Днѣпръ [в свой домен Чернигов], своихъ дѣля орудѣи, а в Руской землѣ кто ны ся останеть?»⁴⁶. А в описании последствий битвы с монголами на Калке 1223 г. суздальский летописец вновь отделяет Чернигов от Русской земли — Киевской: «Се же слышавъ Василко⁴⁷ приключъшея в Руси, възвратися от Чернигова»⁴⁸.

Но не только Черниговскую, но даже часть Киевской земли — Овручскую волость — киевский летописец конца XII в. не считал возможным относить к Южной Русской земле, в самом узком значении этого понятия. В 1190 г. киевский князь Святослав находился в Чернигове, а Рюрик подался в Овруч, свое домениальное владение. Когда половцы бросились воевать Русь, Рюрик призвал Святослава вернуться в Русскую землю⁴⁹. Из контекста явствует, что Чернигов и Овруч летописец четко отделяет от Русской земли — великокняжеского домена. Это же повторилось в 1193 г., когда уже Святослав обратился к находившемуся в Овруче Рюрику

⁴⁵ Там же. С. 291–292.

⁴⁶ Там же. С. 455.

⁴⁷ Константинович, князь ростовский, племянник великого князя владимиро-суздальского Юрия.

⁴⁸ Лаврентьевская летопись. Л., 1927. Вып. 2. Стб. 447.

⁴⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 450.

со словами: «Пойди в Русь, стережи же своя земля!»⁵⁰. Число подобных примеров не трудно увеличить.

Итак, с 40-х гг. XII в. летописцы систематически противопоставляют Русской земле (в значении Киевщины) прочие южнорусские земли — даже те, которые издавна считались Русью в узком, поднепровском понимании топонима. В то же время, в летописях сохраняется и самое широкое толкование термина Русская земля. Отмеченные тенденции переходят и в XIII век.

Когда-то я объяснял это явление наступлением удельной (феодальной) раздробленности Древнерусского государства⁵¹. В общем это объяснение мне и сегодня представляется верным. Попытаюсь все же уточнить его. Следует сказать, что раздробленность была неоднозначным, противоречивым явлением, и не только в социально-экономической плоскости, но и в политической области. Изменения на политической карте Древней Руси, как мне кажется, не могли не отразиться и на контекстах источников.

Ослабление власти киевского великого князя, ранее безусловного государя («отца и господина») для прочих князей, привело к тому, что с середины 50-х гг. XII в. он реально владеет разве что своим доменом, Киевской землей. И это, вероятно, вынуждало его подчеркивать истинную «русскость» этой земли, ее исконное превосходство над прочими составляющими Древнерусского государства. С другой стороны, все усиливавшиеся местные князья всячески стремились к обособлению от киевского государя, в том числе и терминологически, что также нашло, на мой взгляд, отражение в летописях. Поэтому, надо думать, в источниках постоянно и параллельно встречаются и временами вступают в противоречие оба толкования понятия Русской земли — узкое и широкое.

⁵⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 456.

⁵¹ *Котляр М.Ф.* «Руська земля» в літописах. С. 107.